

Р.Р. Хуснулина,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: razilya-kh@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПОЭТИКЕ ПОВЕСТИ ДЖОНА ФАУЛЗА «ЭЛИДЮК»

В данной статье исследуются англо-французские реалии, встречающиеся в повести Джона Фаулза «Элидюк», способы их передачи на русский язык, их применение автором для раскрытия сюжета и поэтики повести. Сложностью передачи реалий является отсутствие эквивалента в языке перевода, поэтому возникает необходимость выбора способа перевода.

Ключевые слова: перевод, поэтика, реалия, Джон Фаулз, художественное произведение.

Материалом данного исследования послужила повесть Джона Фаулза (1926–2004) «Элидюк». Поначалу она вышла в журнале «Иностранная литература» вместе с четырьмя другими повестями писателя: «Башня из чёрного дерева», «Бедняжка Коко», «Загадка», «Туча». Фаулз назвал сборник «Вариации», полагая, что повести варьируют отдельные темы предыдущих его произведений. Имея в виду заглавную повесть «Башня из чёрного дерева», Е.Ю. Гениева, представляя её русскоязычному читателю, заметила, что «по объёму она приближается к повести, а по своему существу, поставленным проблемам и богатству характеров — к роману» [Гениева, 1979: 188]. По решаемым темам и разнообразию сложных персонажей повесть «Элидюк» находится в том же ряду.

Таинственное, загадочное в жизни и искусстве, в глубинах психики людей по-прежнему не перестаёт волновать Фаулза. Проанализировать это можно не только литературоведческими методами. В данной работе как раз и показано, что раскрытию поэтики способствуют, в том числе, языковые приёмы, а именно — реалии. Можно усомниться в универсальности подхода, вместе с тем, нельзя не воздать должное художественному подходу автора статьи.

Выбор именно этой повести обусловлен большим, чем в других повестях Фаулза, соприкосновением английского писателя с французской культурой — и в образности, которая наполнена французскими приметами, и в самом содержании произведения,

насыщенного реалиями французской действительности. Автор произведения, являясь носителем английского языка, но специалистом по французской филологии, нередко транслирует реалии французской культуры в созданных им произведениях. Переводчики, в свою очередь, выступают связующим звеном некоего межкультурного общения, позволяя читателю погрузиться в мировоззрение одновременно двух наций.

Цель статьи заключается как раз в том, чтобы определить способы передачи англо-французских реалий на русский язык при переводе повести Джона Фаулза для понимания её. Актуальность данной темы в том, что в настоящее время вопрос о природе, типах реалий и способах их перевода является открытым. Вместе с тем, роль слов-реалий в процессе межкультурной коммуникации достаточно важна. Вопрос о реалиях, являющихся составной частью текста художественного произведения, представляет особый интерес. Он остаётся неразрешённым, поскольку до сих пор реалии рассматривались как лингвистические единицы вне художественного текста, не учитывались функции этих слов в контексте самого произведения. Представляет особенный интерес исследование различных способов перевода слов-реалий с точки зрения их роли в художественном тексте.

В литературном дискурсе «реалию» обозначают как наличие инаковости, выдуманной идентичности. Реалия может создать непере译имый текст, если в языке перевода нет эквивалентов данной реалии. Инаковость в литературном дискурсе состоит из маркеров всех жанров, таких как слова, включая имена собственные, высказывания, из которых они формируются, не говоря уже о метафорах и коннотациях, призванных играть ключевую роль в передаче культурных особенностей. Любой литературный текст, фаулзовский в особенности, полон реалий — слов и словосочетаний, выражающий отсутствующие в данной культуре и в данном языке понятия. Они имеют национальную, историческую, культурную и бытовую окраску. Особая эмоциональность писателя проявляется в применении реалий, которые автор использует в своём тексте.

В действительности, существует несколько классификаций реалий, предложенных разными исследователями. При составлении классификаций они обычно основываются на содержании реалии, её фоновую информацию. О классификации и сложности перевода франко-английских реалий на русский язык глубоко, словно походя, «со всех точек зрения» пишет Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2007: 483–506]. Вместе с тем, наиболее удобной классификацией в данной статье автор считает ту, что предложена

С.И. Влаховым и С.П. Флориним [Влахов, Флорин, 1980: 50]; она включает в себя предметное, временное и местное (локальное, точнее национальное, — *примечание моё. Р. Х.*). Но, вместе с тем, с ней не всегда можно согласиться, к примеру, ведя речь об именах собственных, которые Фаулз использует довольно часто. Реалия и имя собственное сплетены настолько тесно, что в ряде случаев отнести лексическую единицу к тому или другому классу лексики возможно лишь с опорой на орфографию. Ряд авторов, в том числе В.С. Виноградов, включают имена собственные в категорию реалий [Виноградов, 2001: 11], другие же, как упомянутые выше С. Влахов, С. Флорин, рассматривают реалии как класс безэквивалентной лексики. Однако перейдём к данным реалиям в своё время. А пока обратимся к предметным реалиям.

Предметное деление содержит: географические (топонимы), этнографические, социально-политические реалии. Географических реалий — множество:

Shaftesbury Abbey — аббатство в Шафтсбери, в графстве Дорсетшир;

the port of Totness — портовый город Тотнес;

Exeter — Эксетер, один из древнейших городов графства Девоншир.

Ещё больше — этнографических реалий (описывающих быт и культуру народа). Как пронизательно заметил Н.К. Гарбовский, этнографические реалии вообще принадлежат к наиболее рассматриваемой группе: «Вопросы перевода реалий, принадлежащих именно этой группе, изучаются особенно пристально потому, часто предметы быта, одежда, кушанья и т.п. в художественном тексте придают высказываниям определённый национальный, региональный или местный колорит, составляющий неотъемлемую часть поэтики» [Гарбовский, 2007: 483]. Повесть Фаулза изобилует этнографическими реалиями, необходимыми автору для передачи быта и нравов феодальной эпохи. Являясь одной из важнейших групп безэквивалентной лексики, реалии выступают как своего рода «хранители» и «носители» страноведческой информации, этим определяется их особая роль в художественном произведении.

Так, в «Элидюке» встречаем следующие этнографические реалии:

amour courtois (фр.) — куртуазная любовь, культ страсти;

en soudees remaneir (стар. фр.) — содержать на жаловании;

the Celtic romance — имеется в виду рыцарский роман Роберта де Борона, Кретьена де Труа и др.;

The British (the Celtic) imagination — художественное воображение бриттов, кельтских племён, заселявших Великобританию до прихода туда в V, VI веках германцев; the Camelot syndrome — Камлот, месторасположение легендарного дворца короля Артура, синдром Камлота — псевдо-медицинский термин, употреблённый Фаулзом иронически в значении маниакального увлечения кельтской стариной; defile (фр) — ущелье, через которое войска должны проходить цепочкой.

Как видно из перечисленных реалий, большинство — французского происхождения. Фаулз, передавая их на английском языке, интерпретирует их. В итоге *amour courtois* в его трактовке уже не культ страсти, а кодекс рыцарского поведения в феодальную эпоху. «Переводческое преобразование высказывания, — отмечает Н.К. Гарбовский, — произошедшее при переходе от французского языка к английскому, определяется термином пермутация. В переводе осуществлено синтаксическое преобразование «хода мысли», которое заключается во взаимном изменении позиций элементов высказывания» [Гарбовский, 2007: 496]. Такой пермутацией у Фаулза, как увидим ниже, и стала реалья *amour courtois*. Она помогает понять подтекст повести.

По сюжету, оклеветанный королём, рыцарь Элидюк в изгнании встретил и полюбил дочь короля Эксетера Гилядон. Два противоположных чувства борются в душе Элидюка — любовь к Гилядон и верность жене Гильдельвек. Вопреки всем условностям феодальной морали, кодексам куртуазного поведения (*amour courtois*), он целиком отдается своему чувству. Гильдельвек жертвует собой ради счастья любимого человека. Внутреннее благородство Гильдельвек, величие её души открываются перед читателем через акт её самопожертвования, а не через её авторское описание. Она дважды жертвует собой во имя Элидюка: сначала возвращает к жизни впавшую в летаргический сон и почитаемую умершей Гилядон, а затем добровольно уходит в монастырь. Из чего И. Линдблат делает вывод, что в произведениях Фаулза лейтмотив тайны соотносится с концепцией писателя о двух путях познания действительности: “*la bonne vaux*” и “*la princesse lointaine*” [Линдблат, 1978: 87]. Первый лейтмотив передаёт умение художника отдалиться от проблем реального существования, второй — выражает идею о необходимости художнику недостижимого идеала.

Любопытно, что эпиграфом к сборнику послужила цитата средневекового французского поэта Кретьена де Труа (ок. 1130 — ок. 1191) из романа «Ивэн, или Рыцарь со львом»:

Он побывал в лесах глухих,
Проехал много перепутий,
Встречал немало всякой жути
И, наконец, перед собой
Увидел в дебрях путь прямой... [Фаулз, 1980: 33]

(пер. В. Микушевича).

Если отталкиваться от идеи Линдблата, герой пытается преодолеть проблемы реального существования (перепутий, жути, дебри). Но в отличие от героя заглавной повести «Башня из чёрного дерева», Элидюк достигает недостижимое — остаётся с возлюбленной. Фаулз как будто постоянно «проверяет» французские реалии на их частое несоответствие с реальностью, даже отдалённой, феодальной.

Обилие этнографических реалий позволяют читателю понять феодальную эпоху, главным образом, нравы. Так, говоря о the British (the Celtic) imagination, автор имеет в виду урок духовной стойкости бретонского рыцаря Элида, связанного двумя обетами верности: королю Бретани и любящей его жене Гильдельвек. И разве не акцентирует «пограничная ситуация» в натуре Элидюка высоких, благородных, подлинно нравственных качеств, которых недостаёт нашему современнику? Именно привлечением реалий бесконечно далёкий от нас мир бретонской легенды всё явственнее улавливает знакомые аккорды эмоционально-психологической темы предыдущих произведений Фаулза («Башня из чёрного дерева», «Коллекционер»): любовь, испытание, верность — только звучащей в «Элидюке» в новой аранжировке [Хуснулина, 2005: 242].

Эта сложная гармония замысла передаёт неразрывность текущего и минувшего, ощущение вечной возобновляемости тем. Безоговорочно счастливый финал, столь редкий для произведений Фаулза, кажется, благодаря преодолению этики средневековья внутренне освобождённой личностью Элидюка, естественным и закономерным. Из чего В.В. Ивашева заключает: «...маленькая повесть “Элидюк”, от которой неотделим аромат другой эпохи, служит Фаулзу поводом для демонстрации своего психологического мастерства — раскрытия психологии героев через их поступки и действия» [Ивашева, 1979: 62].

Говоря о содержании, вспомним также об общественно-политических реалиях (наименование понятий общественно-политической жизни):

wild Westerns — произведения о Диком Западе США;

black proof — печальное доказательство. Печальны жёсткие, окаменевшие структуры феодальной взаимозависимости, ригористические представления о супружеском долге и верности. Повествование хроникально-нейтральное.

Стоит заметить, что наибольшее количество общих черт реалии имеют с терминами. Как реалии, так и термины представляют собой чаще всего однозначные, лишённые синонимов слова и словосочетания, называющие предметы, понятия, явления. Среди обоих классов есть единицы иноязычного происхождения, а также единицы с исторически ограниченным значением.

Отличительными признаками реалий при сопоставлении с терминами можно считать национальную и историческую окрашенность и связь преимущественно с художественной литературой. Рассматриваемые лексические категории отличаются и по способу проникновения в другие языки: термин получает распространение вместе с предметом, названием которого является, реалия проникает в другой язык чаще из литературы.

Временные реалии играют свою роль в раскрытии характеров персонажей. К ним относят современные реалии, существующие в данное время. Реалии характеризуются гибкостью: не теряя своего статуса, они могут одновременно относиться к нескольким лексическим категориям. Кроме того, по наблюдениям С. Влахова и С. Флорина, в большинстве своем реалии — имена существительные, что закономерно, поскольку, исходя из рассмотренных выше определений, реалии чаще всего называют предметы и явления:

sci-fi (сокр.) — научная фантастика;

Finals — выпускные экзамены в университете;

Latinities — латинизмы;

desmesure (фр.) — избыток страстей; в повести страсти напоминают современные, отнюдь не куртуазные. Фаулз вновь тем самым хотел показать нетрадиционный куртуазный роман, он умело воссоздал лёгкую пародию на него.

Resit and discours (фр.) — термины, обозначающие жанры коротких прозаических произведений — рассказ и публичная речь. Последняя характерна для куртуазного романа, а в повести, тоже куртуазной, даются рассказы персонажей о явлениях, событиях, чувствах.

A defile — узкое ущелье, через которые войска должны пройти цепочкой.

Если задуматься об этой реалии, наш герой Элиджок словно всё время движется по узко очерченному пространству и, балансируя, в итоге находит свой прямой путь. Не случайно, Хэйман называет Фаулза “a fabulator”, писателем, в чьих произведениях на первый план выходит композиция, произведение, которое бы «взбудоражило читателя» [Хэйман, 1977: 67].

Все перечисленные современные реалии можно отнести к коннотативным реалиям, в противоположность денотативным, обозначают предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и обслуживающем её языке дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре.

Интересна и следующая реалия: *against chords and arpeggios* — под аккомпанемент аккордов и арпеджио; арпеджио (ит.) — особый приём исполнения тонов аккорда не одновременно, а в быстрой последовательности одного за другим.

Этот приём «арпеджио» характерен для всей структуры повести, в ней действие происходит отнюдь не поступательно, однолинейно, а с включением множества случайностей, которые меняют ход повести и поведения героя. И эта итальянская реалия не менее важна для понимания поэтики, чем множество других, французских и английских.

«Сущность искусства заключается в его свободе ломать установленные стандарты», — писал Джон Фаулз [Фаулз, 1979: 16]. Этой формулировке он был верен на протяжении всего своего творчества. Тем более, что он, по мнению критика, несмотря на разнообразие стилей, жанров и идей в своих произведениях, проявлял устойчивый, постоянный «интерес к определенным темам и идеям, определенному человеческому опыту, отношениям и понятиям» [Олсхены, 1980: 8].

С ней можно соотнести и фразу Фаулза из предыдущей повести «Башня из черного дерева», которую он с определенным смыслом применил в обращении к «Элиджику»: “I have a dead weasel on my conscience; and deeper still, a dead woman” — герой раздавил на шоссе маленького зверька — ласку, но аллегорический смысл фразы: он психологически раздавил влюбленную в него Диану.

В нашей повести Элиджику тоже приходится подвергнуть испытаниям жену, но из этих перипетий он, феодальный герой, ограниченный нравами феодальной эпохи, выходит достойно. Такие временные реалии, где прошлое соприкасается с современностью,

очень характерны для прозы Фаулза. Цель — в полученном Дэвидом уроке: современный человек, он может в ситуации выбора предпочесть и умение быть правдивым как в картинах, которые он пишет, так и с Дианой. Он зажат, испуган, для него много значат условности, принятые в современном обществе. Напротив, Элидюк, живущий в мире рыцарских условностей, выбирает того, кто ему дорог.

Желая быть точным и правдивым, Фаулз также использует и временные исторические реалии, обозначающие понятия, характерные для прошлого определенной социальной группы:

Watergate — Уотергейтское дело, судебное расследование в США 1972 года противозаконных действий администрации правительства Р. Никсона; Реалии, будучи наименованиями понятий, культурных и исторических явлений определенного народа и страны, отражают тот или иной отрезок действительности, следовательно, тесно связаны с внеязыковой действительностью. Внеязыковой фон, созданный «ситуативными реалиями»: иносказаниями, словами-реалиями, аллюзиями, намеками — отражается в тексте перевода.

The matiere de Bretagne (фр.) — «бретонские повести», сюжеты которых восходят к бретонским фольклорным источникам, к лэ бретонской поэтессы XII века Марии Французской.

Обращение Фаулза в «Элидюке» к бретонским преданиям, к лэ, было отнюдь не случайным. В «Заметке личного характера», предваряющей новеллу, он пишет, что кельтская литература оказала большое влияние на развитие всей европейской литературы. Но этот факт ещё не нашёл должного признания. Прежде всего, на его взгляд, кельты внесли в литературу то, что мы сейчас называем художественным. Хотя «можно снисходительно улыбаться над наивностью и примитивной техникой построения таких рассказов, как “Элидюк”, но я думаю, что это порядочно со стороны любого писателя — и по очень простой причине. Он наблюдает своё собственное рождение» [Фаулз, 1981: 120].

Лэ Мари Французской привлекло Фаулза тем, что в нём поднимаются проблемы, близкие писателю: «Она внесла совершенно новый мотив в европейскую литературу, который определялся не только изображением плотской любви и свойственного женщинам понимания человеческого поведения — но и как поведение человека и моральные проблемы могут быть выражены через диалог и действия» [Там же: 122]. Далее Фаулз продолжает: «Марию больше интересует человеческое сердце, чем бессмертная душа» [Там же: 124].

Уже упомянутое лэ относится к числу местных реалий, оно включает в себя те, что находятся в плоскости одного языка — заимствования, транскрибированные реалии другого языка: Lais — лэ, в бретонской и средневековой французской литературное произ-

ведение, написанное ритмической прозой, исполнение которой сопровождается музыкой и жестами. В результате данного исследования выявлено, что транслитерация и транскрипция являются достаточно употребительными способами передачи реалий в повести Фаулза, именно они способствуют передаче экспрессивности и различных коннотаций оригинальности. Лэ в то же время можно назвать денотативной реалией — фактом языка, который обозначает явление языка, характерное для данной культуры и не имеет соответствия в сопоставляемой культуре. Порой местные применяются при передаче географических реалий, то есть топонимов: the Victoria and Albert Museum — Музей Виктории и Альберта в Лондоне, создан в 1857 году и назван в честь королевы Виктории (1837–1901) и её супруга Альберта (1819–1861), национальный музей изящных и прикладных искусств всех стран и эпох. Основным критерием отличия таких реалий от других классов лексических единиц является её национальная окраска. Специалист по французскому языку, Джон Фаулз использует в своих произведениях немало французских реалий (имена собственные), которые были переданы им на французском языке:

Marie de France — Мария Французская, бретонская поэтесса XII века, Alain-Fournier's "Le Grand Meaulnes" — речь идёт о романе «Большой Мольн» (1913) Алена Фурнье (наст. имя Анри Албан Фурнье, 1886–1914).

В то же время присутствуют и английские реалии: St. Nicholas — св. Николай, покровитель детей и моряков, St. Clement — св. Клемент, по преданию принял мученическую смерть, будучи брошен в море привязанным к якорю. Словно такая же участь ожидала и Элидюка.

Совершенно естественно, что подобные реалии нужны для придания большей достоверности того, о чём он пишет. Для него искусство — сопричастность к реальной жизни, правде. Литературу он считает «инструментом анализа и способом воздействия на личность и общество» [Фаулз, 1982: 167].

По словам П. Конради, произведения Фаулза — это всегда «новый поиск подлинной человеческой личности, место, где герой подвергается тяжёлому испытанию» [Конради, 1982: 109].

Таким образом, проблематика передачи англо-французских реалий заключается в том, что они, как правило, не имеют эквивалента в языке перевода, который бы точно отражал национальную, историческую, культурную и бытовую окраску. Они также способствуют раскрытию идеи повести. «История самосознания личности, поиски человеком собственного «я» проходят через всё творчество Фаулза. В раскрытии этой темы он движется от самодовлеющей

сути человеческой личности к пониманию её исторических связей, социального опыта. Этим желанием определяется и изменение художественной системы Фаулза» [Саруханян, 1982: 120]. В «Элидюке» он полностью меняет художественную систему рыцарского романа. В этом неопределима роль использованных автором реалий.

Проанализировав реалии повести «Элидюк» Фаулза, можно отметить, что существует несколько способов их передачи на русский язык. Транслитерация, перевод с использованием функционального аналога употребляется для того, чтобы отразить этнографические реалии. Реалии используются для передачи культурного колорита в тексте повести. При переводе реалии требуют особого подхода, поскольку не имеют точных соответствий в других языках, будучи носителями национального и/или исторического колорита. Сталкиваясь с реалией в тексте оригинала, переводчик должен выбрать наиболее адекватный способ передачи смысла реалии, от чего и будет зависеть, насколько понятным будет текст повести для русскоязычных носителей. Вместе с тем, поскольку каждый из приёмов передачи слов-реалий имеет свои достоинства и недостатки, то следует использовать комбинированные способы перевода культурно-маркированных единиц, не ограничиваясь одним приёмом, а сочетая два или три, например, транскрипцию и описательный перевод, или же давать пояснение или комментарий каждой реалии. Перевод слов-реалий — творческая процедура, требующая от переводчика хорошего уровня культурной и страноведческой подготовки.

В предисловии к русскому изданию повестей, Е.Ю. Гениева отметила, что Фаулз «постоянно вырывает героя из привычного окружения, привычных связей» [Гениева, 1979: 187]. Используя реалии, преимущественно французские, автор точно так же, как и героев своих произведений, вырывает из определённого контекста, отражая их нередко уже в другой ситуации. Не случайно эпиграфом к повести он взял старо-французскую реалию:

“De un mut ancien lai bretun

Le cunte e tute la reisun

Vus dirai...” (стар. фр.) — «Из очень старого бретонского лэ содержание и смысл моего рассказа» [Фаулз, 1980: 133]. Но это лэ переосмыслено в новых условиях в духе “the Celtic romance” [Там же: 134], с нарушением принципов рыцарского романа.

Игра этих двух реалий — французской и английской — помогает автору разрушить утешительные псевдоистины, и наш феодальный герой Элидюк остаётся со своей возлюбленной. Она также помогает развенчать иллюзии и самообманы о любви, о потерянном и вновь обретенном счастье.

Список литературы

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М: Международные отношения, 1980. 343 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Гарбовский Н.К. Теория Перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.

Гениева Е.Ю. Послесловие // Иностранная литература, 1979, № 3. С. 185–189.

Ивашева В.В. Что сохраняет время. Литература Великобритании 1945–1977. М: Советский писатель, 1979. 336 с.

Ответственность таланта: Слово писателям мира. Джон Фаулз // Иностранная литература, 1982, № 4. С. 165–168.

Саруханян А.П. Роман среды и характера: английская литература 70-х годов // Новые художественные тенденции в развитии реализма на Западе. 70-е годы. Наука, 1982. 320 с.

Хуснулина Р.Р. Английский роман XX века и наследие Ф.М. Достоевского. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 260 с.

Conradi P. John Fowles. L., N.Y., 1982. 109 p.

Haynman R. The Novelist today, 1967–1975. L., 1977. 95 p.

Lindblat I. La bonne vau, la princesse lointaine. Studies in English philosophy, linguistics and Literature — Stockholm, 1978. P. 87–101.

Olshen B.N., JIshen J.A. John Fowles. A Reference Guide. — Boston: Library of Congress Cataloging in publication Data, 1980. 88 p.

Fowers J. A novelist Looks at politics / Morning star, 1979, September, 22, pp. 16–17.

Razilya R. Khusnulina,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: razilya-kh@yandex.ru

LANGUAGE REALIA AND THEIR MEANINGS IN JOHN FOWLES'S *ELIDUC*

The article studies various English and French realia found in *Eliduc* by John Fowles, the ways of their translation into Russian, their use for a better understanding of the plot and the poetics of the story. The main difficulty any translator faces when dealing with realia is the absence of equivalents in the target language, therefore it is necessary to choose relevant translation methods.

Key words: translation, poetics, realia, John Fowles, fiction.

References

- Conradi P.* John Fowles. L., N.Y., 1982. 109 p.
- Fowers J.* A novelist Looks at politics / Morning star, 1979, September, 22, pp. 16–17.
- Garbovsky N.K.* Teorija perevoda [The Theory of Translation]. 2 izd. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).
- Genieva E.Y.* Posleslovie [Epilogue]. Foreign Literature. 1979, № 3. P. 185–189 (In Russian).
- Haynman R.* The Novelist today, 1967–1975. L., 1977. 95 p.
- Ivasheva V.V.* Chto sohranyaet vremya. Literatura Velikobritanii 1945–1977 [What time keeps? Literature of Britain 1945–1977]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1979. 336 p. (In Russian).
- Khusnulina R.R.* Angliyskiy roman XX veka i nasledie F.M. Dostoevskogo. [English XX century novel and the heritage by F.M. Dostoevsky. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2005. 260 p. (In Russian).
- Lindblat I.* La bonne vaux, la princesse lointaine. Studies in English philosophy, linguistics and Literature — Stockholm, 1978, pp. 87–101.
- Olshen B.N., Ilshen J.A.* John Fowles. A Reference Guide. — Boston: Library of Congress Cataloging in publication Data, 1980. 88 p.
- Otvettvennost talanta: Slovo pisatelyam mira. Djon Faulz [A word to the writers of the world. J. Fowles]. Foreign Literature, 1982, № 4. P. 165–168 (In Russian).
- Sarukhanyan A.P.* Roman sredey i kharaktera: angliyskaya literatura 70-h godov // novyye khudogestvennyye tendentsii v razvitiy realizma na Zapade. 70-e gody. [New artistic tendencies in development of realism in Foreign countries]. Nauka, 1982. 320 p. (In Russian).
- Vinogradov V.S.* Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction in interpretation] Moscow: Izd-vo in-ta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 p. (In Russian).
- Vlahov S.I., Florin S.P.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in Translation] Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 343 p. (In Russian).

Источники

- Фолз Джон.* Пять повестей: Башня из чёрного дерева. Элиджук. Бедный Кокко. Энигма. Туча: Повести. М: Прогресс, 1980. 246 с.
- Fowles J.* The Ebony tower. L: Granada, 1981. 304 p.

Sources

- Faulz Dzhon.* Pyat' povestej: Bashnya iz chyornogo dereva. Ehliidyuk. Bednyj Koko. Ehnigma. Tucha: Povesti [Five novels: ebony Tower. Jelidjuk. Poor Coco. Enigma. Cloud: The Story]. Moscow: Progress, 1980. 246 p. (In Russian).
- Fowles J.* The Ebony tower. L: Granada, 1981. 304 p.